

**Выступление
на II американско-советском коллоквиуме
(США, г. Стэнфорд, 30 августа 1975 г.)¹**

Замечания по докладу С. Энгермана
«Некоторые экономические и демографические сравнения раб-
овладельческих обществ в Новом Свете»^а

Я хотел бы остановиться на некоторых экономических аспектах рабства, затронутых в докладе проф. Энгермана² и более широко и глубоко раскрытых в его монографии «Время на кресте»^б «Time on the Cross»^б, написанной совместно с проф. Робертом Фогелем³.

1). Прежде чем говорить о существовании проблемы, надо сделать одну оговорку.

Речь идет о широко применяемых авторами количественных методах обработки и анализа различного рода статистических данных. Сам факт применения количественных методов при изучении социально-экономических проблем рабства можно только приветствовать. Следует отметить и очень высокий уровень их применения. Методика количественного анализа, разработанная профессорами Энгерманом и Фогелем, и особенно ряд приемов расчета и экстраполяции неизвестных параметров могут быть с успехом применены при решении целого ряда социально-экономических задач. Короче говоря, методически-техническая сторона ведущих исследований, которые еще не закончены, имеет самостоятельную и немалую научную ценность.

Однако все сказанное вовсе не означает, что количественные методы анализа всегда применяются авторами правильно и что все полученные на их основе выводы верны. Совсем нет. Но виною тому являются не количественные методы как таковые, ^бкак нередко считают^б, а положенная в их основу постановка исследовательской задачи и избранные принципы и пути ее решения.

2). Переходя к существованию проблемы, прежде всего надо сказать о том, что вопрос о сравнительной экономической рентабельности рабства и положении рабов поставлен и решается узко, а по ряду основополагающих аспектов просто неверно.

Во-первых, авторы уделяют очень много внимания доказательству того факта, что рабский труд был для плантаторов экономически более эффективным, чем труд свободных рабочих. Факт этот очевиден и без сложных расчетов. Не будь рабский труд настолько

^а Здесь и ниже подчеркнуто в машинописи.

^{б-б} Рукописная вставка И.Д. Ковальченко.

выгоден плантаторам, что это даже при затратах на работоторговлю приносил им бóльшую прибыль, чем при эксплуатации свободных рабочих, система плантационного рабства просто бы не возникла.

Расчеты здесь имеют смысл не для доказательства экономической рентабельности для плантаторов рабского труда, а для показа того, насколько он был выгоднее труда свободного. Из многочисленных расчетов, сделанных авторами, наибольший интерес представляет тот, который показывает, что рабский труд обходился плантаторам вдвое дешевле, чем труд свободных рабочих (т. II, стр. 238)⁴. В этом весь секрет возникновения плантационного рабства, а также того, почему оно так долго держалось и было упразднено вопреки интересам плантаторов. Аналогичной была ситуация и с эксплуатацией помещиками крепостного труда в России XVIII — первой половины XIX в.

Во-вторых, авторы, сопоставляя производительность рабского и свободного труда, в сущности, допускают подмену тезиса. Они судят об этой производительности на основе тех прибылей, которые приносили рабские плантации на Юге и капиталистические фермы на Севере. С одной стороны, здесь не учитываются те существенные различия в условиях сельскохозяйственного производства, которые имели место между Югом и Севером. Строго говоря, прямое сопоставление плантационного хозяйства Юга и фермерского хозяйства Севера неправомерно. Эффективность рабского и свободного труда надо сравнивать в равных условиях, например, ^ана землях^а Запада страны.

С другой же стороны, и это главное, ^аавторы подменили вопрос о рентабельности для плантатора с общественной рентабельностью^а. Судить о сравнительной общественной рентабельности рабского и свободного труда нельзя без учета трудовых затрат на единицу продукции, т. е. без показателей производительности труда. При этом, выводя эти показатели, необходимо учитывать не только количество, но и интенсивность, напряженность труда.

Такая же ошибка допускается и в расчете, который имеет целью показать, что раб имел доход бóльший, чем тот, который бы он получил, будучи свободным рабочим или мелким фермером. И здесь доход надо рассчитывать не на душу, а на единицу трудовых затрат. Только так можно получить обоснованные сравнительные данные ^аоб общественной эффективности рабского и свободного труда и^а о положении рабов и свободных рабочих.

Пока указанные расчеты производительности труда и доходов рабов и свободных рабочих не проделаны, важные выводы авторов о том, что сельское хозяйство на Юге было более эффективно, чем на Севере (II, с. 196), и что существующие представления об угнетательской сущности рабства якобы несостоятельны (II, с. 242) остаются совершенно необоснованными.

^{а-а} Рукописная вставка И.Д. Ковальченко.

⁴ Необходимость учета перспектив производственно-технического прогресса при оценке эффективности рабского труда⁴.

В-третьих, авторы справедливо много внимания уделили выявлению нормы эксплуатации рабов. Однако их посылки решения этого вопроса неверны. Авторы отвергают известную формулу Маркса, по которой степень, или норма, эксплуатации определяется отношением прибавочной стоимости к заработной плате⁵, на том основании, что она якобы не позволяет учесть изменения в норме эксплуатации раба в разные периоды его жизни, и выводят свою формулу.

Здесь авторы прежде всего игнорируют тот совершенно очевидный факт, что норма эксплуатации раба, крепостного или свободного рабочего может быть определена только одним путем — соотношением присваиваемой рабовладельцем, крепостником или капиталистом части труда или продукта с той, которую получает производитель. Только сравнивая то, чего лишился производитель, с тем, что он получил, можно установить норму эксплуатации. Расчет же авторов приближается в какой-то мере к выражению нормы прибыли плантатора, а не нормы эксплуатации. Но и здесь необоснованно в расчет включаются затраты на приобретение рабов⁶ владельцем средств производства и рабочей силы, которая подвергается эксплуатации⁷. Между тем, то, каким образом и ценой каких затрат плантатор стал владельцем рабочей силы раба (или помещик — крепостного крестьянина, а капиталист — владельцем фабрики), не имеет отношения к процессу производства, основанному на эксплуатации этой рабочей силы. Норма прибыли должна исчисляться лишь с учетом затрат в процессе производства. Допустив указанные просчеты, авторы и получили ничтожно малую норму эксплуатации рабов. Она равна всего 12 %. Если авторы всерьез рассматривают этот показатель, то, даже не принимая в расчет сказанное, они все же должны были задуматься над тем, каким же образом при такой низкой норме эксплуатации, а норма прибыли при этом должна быть еще меньше, плантаторам удалось добиться того, что сельское хозяйство Юга на 35 % было эффективнее, чем на Севере (II, стр. 192). Ведь эта «эффективность», точнее, прибыльность, в конечном счете, имела в своей основе тот относительный размер прибавочного продукта, который получали плантаторы. Или, как соотнести с 12 % нормы эксплуатации то, что, по расчетам авторов, из 30 млн прибыли от рабского труда на долю самих рабов приходилось всего 6 млн (II, с. 245). Здесь концы с концами никак не сходятся.

Что же касается якобы временной ограниченности формулы Маркса, то это простое недоразумение. Формула позволяет исчислять норму эксплуатации не на один день, как исчисляют авторы, а на ⁸любой период времени и применительно к любому числу

^{4-а} Рукописная вставка И.Д. Ковальченко.

эксплуатируемых. Здесь все зависит только от наличия соответствующих данных.

3). Общая оценка рабства на Юге как такой формы эксплуатации, которая в экономическом плане была капиталистической, а по форме средневековой (II, с. 129), данная в работе, совершенно неверна.

4). О причинах ошибок.

Заранее заданная установка на опровержение существующих представлений, на доказательство эффективности рабства вместо раскрытия во всем объеме сути этого явления^а и обузили, и исказили постановку и решение проблемы^а.

Раскрытие исторической обусловленности возникновения рабства^а и его места авторы подменили доказательством его исторической прогрессивности.

*Машинопись с рукописной правкой
и многочисленными рукописными подчеркиваниями.*

¹ В личном архиве И.Д. Ковальченко имеется рукописный «План выступления по Энгерману», который можно считать первоначальным вариантом публикуемого текста. В нем также кратко записаны положения, которые И.Д. Ковальченко предполагал развить в своих выступлениях по докладам А.М. Сахарова и Гарольда Д. Уодмана. Кроме того, в архиве сохранилась программа II американско-советского colloquiuma в г. Стэнфорде (30—31 августа 1975 г.). О работе colloquiuma см.: Тихвинский С.Л. Второй советско-американский colloquium историков // Вопросы истории. 1976. № 1. С. 174—175; Буганов В.И. Второй colloquium американских и советских историков в США // История СССР. 1976. № 3. С. 207—209.

О впечатлениях И.Д. Ковальченко от пребывания в Стэнфорде и работе colloquiuma см. записи 29 августа — 2 сентября 1975 г. в публикуемом в настоящем сборнике дневнике поездки И.Д. Ковальченко в 1975 г. в США на XIV Международный конгресс исторических наук (г. Сан-Франциско) и II американско-советский colloquium (г. Стэнфорд).

² Доклад проф. Стэнли Энгермана и доклад проф. А.М. Сахарова «Происхождение крепостничества в России» обсуждались на первом утреннем заседании colloquiuma 30 августа 1975 г. Комментаторами по этим докладам должны были выступить: с американской стороны — проф. Гарольд Д. Уодман и проф. Ричард Хелли, а с советской — В.И. Буганов и Н.Н. Болховитинов. Однако, поскольку Н.Н. Болховитинов опоздал на заседание, постольку И.Д. Ковальченко выступил по докладу Энгермана, возможно, в качестве эксперта. См. публикуемый в настоящем сборнике дневник поездки И.Д. Ковальченко в США на XIV Международный конгресс исторических наук (г. Сан-Франциско) и II американско-советский colloquium (г. Стэнфорд), запись 31 августа 1975 г.

³ Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery (vol. I); Time on the Cross: Evidence and Methods. A Supplement (vol. II). Boston; Toronto. 1974. Вскоре после выхода в свет этой

^{а-а} Рукописная вставка И.Д. Ковальченко.

монографии в советских исторических журналах появились отклики на нее. См., например: Болховитинов Н.Н. Клиометристы и рабство в США (о книге Р.У. Фогеля и С.Л. Энгермана «Время на кресте») // Новая и новейшая история. 1976. № 3. С. 169—175; Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5. С. 78—83. Дискуссия И.Д. Ковальченко с авторами книги «Время на кресте» велась не только на II американско-советском коллоквиуме в Стэнфорде в 1975 г. Она продолжилась и в стенах исторического факультета Московского университета, когда его в апреле 1976 г. посетил проф. Р. Фогель. В ряде своих работ, написанных позднее, И.Д. Ковальченко приводил работу американских ученых как пример неудачного контрфактического моделирования в историческом исследовании.

- 4 Здесь и далее И.Д. Ковальченко ссылается на том II книги: Fogel R.W., Engerman S.L. Time of the Cross: Evidence and Methods. A Supplement (vol. II). Boston; Toronto.
- 5 Краткое описание рассчитанной К. Марксом формулы исчисления нормы прибавочной стоимости, выражающей степень эксплуатации рабочего капиталом, см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23. С. 230.